

ВОСПОМИНАНІЯ

ВОСПИТАНИКА ПЕРВАГО ВЫПУСКА ИЗЪ АРТИЛЕРІЙСКАГО УЧИЛИЩА.

Какъ воспитанникъ перваго выпуска изъ Артилерійскаго Училища, основаннаго просвѣщенными заботами въ Божѣ почившаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, хочу, по прошествіи пятидесяти лѣтъ существованія этого расадника нашихъ артилеристовъ, побесѣдовать съ его юнѣйшими питомцами и рассказать имъ: о торжествѣ открытія училища, о заботахъ и ласкахъ, оказанныхъ воспитанникамъ незабвеннымъ основателемъ заведенія, о впечатлѣніяхъ, какія производили на юношей эти заботы и эти ласки, объ убѣжденіяхъ, вынесенныхъ воспитанниками при выходѣ изъ этого храма наукъ и, наконецъ, о моей служебной дѣятельности за время служенія моего въ артилеріи.

Признаю своимъ священнымъ долгомъ выразить мою глубокую, безпредѣльную благодарность виновнику устройства Артилерійскаго Училища, въ которомъ меня научили служить вѣрою и правдою Государю Императору, а въ лицѣ Его Величества и нашему дорогому отечеству.

Просвѣщенные наставники наши, назначенные Его Высочествомъ, научали какъ освѣщать въ себѣ доблести воина и гражданина, и основывать всѣ свои дѣйствія на правилахъ христіанскихъ добродѣтелей.

Помню, какъ теперь, торжественное открытіе училища.

По святому православному обычаю, молебень предшествовала торжеству; послѣ него прочитаны были акты открытія и списки воспитанниковъ. На торжествѣ присутствовали всѣ тогдашнія знаменитости не только по артилеріи, но и вообще наукъ и литературы: инспекторъ артилеріи, Меллеръ Закомельскій, Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій и много другихъ именитыхъ представителей всѣхъ отраслей образованія. Торжество кончилось пожеланіемъ гостей Артилерійскому Училищу преуспѣянія во всемъ добромъ и полезномъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, по отъѣздѣ посѣтителей, благословилъ растроганныхъ до слезъ своихъ первенцевъ.

Главнымъ распорядителемъ предначертаній Его Императорскаго Высочества былъ генераль-маіоръ Александръ Дмитріевичъ Засядко, мужъ просвѣщенный и въ высшей степени справедливый. Его любили и боялись не изъ страха наказанія, но изъ опасенія оскорбить, какъ добраго отца. О выборѣ преподавателей Александръ Дмитріевичъ Засядко заботился совмѣстно съ инспекторомъ классовъ Александромъ Федоровичемъ Воейковымъ (*). Назову главнѣйшихъ изъ нихъ, преимущественно тѣхъ, наставленія которыхъ сохраняю доселѣ въ душѣ моей.

Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ читалъ русскую и всеобщую исторію и статистику; его краснорѣчіе было увлекательно. Представляя историческіе очерки лицъ, ознаменовавшихъ свое земное поприще военными и гражданскими доблестями, онъ невольно заставлялъ и своихъ слушателей сродняться съ возвышенными качествами героевъ древнаго и новаго міра; при изображеніи же тѣхъ, которые запятнали имя свое пороками, онъ внушалъ воспитанникамъ отвращеніе ко всему гнусному и презрѣнному. Арсеньевъ, своимъ могущественнымъ краснорѣчіемъ, могъ все сдѣлать изъ своихъ слушателей.

Николай Васильевичъ Медемъ читалъ военную исторію, тактику и стратегію. Его анализъ военныхъ кампаній изъ древней, средней и новой исторіи и описаніе знаменитыхъ сраженій, имѣвшихъ вліяніе на исходъ борьбы государствъ, влагалъ въ души воспитанниковъ любовь къ изученію военныхъ наукъ и стремленіе достойно совершить предстоявшее имъ поприще.

Законоучитель, протоіерей Алексѣй Ивановичъ Маловъ, читалъ богословіе. Нельзя забыть его послѣдней прощальной лекціи. Придя въ аудиторію и бывъ окруженъ воспитанниками, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Друзья мои! поучая васъ закону Божію, я старался глубоко насадить въ ваши души предстоящія святія обязанности—быть вѣрноподанными, истыми христіобивыми воинами и добродѣтельными людьми. Я надѣюсь, что вы все это исполните по долгу вашей присяги; но считаю своею святою обязанностию предvarить васъ, что вамъ, на первыхъ порахъ вашей служебной дѣятельности, предстануть пороки во всей своей наготѣ; не ослабѣвайте же духомъ, боритесь противъ неправды и тѣмъ исполните законъ Христовъ».

Подъ вліяніемъ подобныхъ наставниковъ, при отеческихъ по-

(*). До своего назначенія инспекторомъ классовъ въ новооткрытое училище, Воейковъ былъ провѣзоромъ русской словесности въ дерптскомъ университетѣ.

печеніяхъ Великаго Князя, возможно ли было воспитанникамъ не проникнуться любовію къ взлелѣвавшему ихъ заведенію и къ исполненію ожидавшихъ ихъ на военномъ и гражданскомъ поприщѣ долга? Великій Князь посѣщалъ училище ежедневно, иногда по два и по три раза. По приглашенію его высочества, насъ осчастливили своимъ посѣщеніемъ: государь императоръ Александръ Павловичъ, императрица Марія Теодоровна, великая княгиня Марія Павловна и многіе знаменитые иностранцы, любопытствовавшіе видѣть Артилерійское Училище. Никогда не забуду той минуты—когда императрица Марія Теодоровна—эта незабвенная мать Россіи, осмотрѣвъ всѣ отдѣлы училища, обратилась, при выходѣ изъ лазарета, къ воспитанникамъ съ материнскими словами: «Дѣти, ко мнѣ!» Всѣ бросились къ ея величеству и, окруживъ ее, цѣловали ея руки и платье. Государыня, съ улыбкой на устахъ, сказала: Прощайте, дѣти! любите Михаила Павловича, онъ васъ нѣжно любитъ». Безмолвныя слезы воспитанниковъ были отвѣтомъ на этотъ душевный привѣтъ.

При производствѣ воспитанниковъ перваго выпуска въ портупей юнкера, было приказано всѣхъ, удостоенныхъ этой награды, привезти въ зимній дворецъ. Тамъ, на половніи его высочества, въ залѣ, были приготовлены новые тесаки, повязанные серебряными темляками. Присутствовавшимъ при этомъ генерадамъ и штабъ-офицерамъ было поручено снять съ насъ старое оружіе и видѣть въ бѣлныя портупей новое, съ серебряными темляками. Я стоялъ на правомъ флангѣ и былъ удостоенъ этой чести изъ рукъ Его Императорскаго Высочества.

Производство въ первый офицерскій чинъ было еще торжественнѣе. Когда была готова заказанная для всѣхъ насъ обмундировка, назначенъ былъ день для представленія Государю Императору. Въ этотъ памятный день, въ залѣ зимняго дворца, мы были поставлены въ одну шеренгу, и намъ внушено было смѣло и громко отвѣчать на вопросы его величества. Послѣ ободрительныхъ словъ Великаго Князя, казалось бы, намъ можно было успокоиться; но, въ ожиданіи появленія «Благословеннаго», наше сердце трепетало.... Вотъ зашевелился придворный штатъ и послышался шопоть: «Императоръ!» Дверь отворилась, и мы увидѣли предъ собою доблестнаго миротворца Европы. Императоръ подошелъ ко мнѣ первому, такъ какъ я стоялъ на правомъ флангѣ шеренги. Великій Князь, безъ списка, наизусть, называлъ по фамиліи каждаго воспитанника, и каждому изъ нихъ его величество сказалъ нѣсколько ласковыхъ

словъ, и доселѣ живущихъ въ душѣ моей, какъ завѣтъ отрядныхъ воспоминаній.

Когда кончилось представленіе, Государь, ставъ противъ шеренги, произнесъ съ улыбкой на устахъ: «Господа! я надѣюсь, что вы оправдаете попеченія о васъ моего брата!» Дверь опять отворилась, и Государь удалился.

Послѣдній годъ моего пребыванія въ старшемъ офицерскомъ классѣ прошелъ быстро; экзаменъ воспитанниковъ окончился блистательно, въ присутствіи всѣхъ знаменитостей и ученыхъ столицы. При экзаменѣ по артилерійскому отдѣлу и высшей прикладной математикѣ присутствовало знаменательное лицо тогдашняго времени въ высшей администраціи—графъ Аракчеевъ. Дѣлая вопросы воспитанникамъ по части артилеріи, графъ остался весьма доволенъ отвѣтами.

Настало, наконецъ, время отправленія воспитанниковъ по ротамъ (*), раскинутымъ на громадномъ пространствѣ Руси. Оставляя навсегда, съ стѣсненнымъ сердцемъ, заведеніе, въ которомъ и умъ, и сердце приготовлялись къ служебной и житейской дѣятельности, каждый изъ воспитанниковъ далъ себѣ слово неуклонно слѣдовать училищной программѣ на предстоящемъ поприщѣ. Когда пришлось откланиваться Его Императорскому Высочеству, мнѣ сдѣлалось невыносимо грустно. При представленіи Великому Князю, я нашелъ Его Высочество не совсѣмъ здоровымъ; но, узнавъ о моемъ желаніи его видѣть, Великій Князь приказалъ ввести меня въ кабинетъ. На его ласки и пожеланія я могъ отвѣчать только слезами. Послѣднія его слова: «каждое твое отличіе на службѣ будетъ меня радовать, а уклоненіе отъ честнаго долга будетъ меня оскорблять» — останутся въ душѣ моей до могилы.

Послѣ незабвенныхъ словъ Его Императорскаго Высочества, отправляясь на службу, я унесъ въ душѣ, какъ священный завѣтъ, данное себѣ слово—служить такъ, чтобы оправдать ожиданія высокаго покровителя только что оставленнаго мною заведенія. Да и возможно ли было не стремиться показать себя достойнымъ заботливости и участія Великаго Князя?...

Болѣе говорить о мѣстѣ своего воспитанія не имѣю права. Артилерійское училище, въ продолженіе своего полувѣковаго существованія, видѣло возникновеніе, въ своихъ стѣнахъ, артилерійской академіи, средоточія высшаго образованія по всѣмъ отраслямъ спеціальныхъ знаній артилериста. Здѣсь положено было прочное начало тѣмъ усовершенствованіямъ въ техникѣ, въ которыхъ Россія такъ нужда-

(*) Въ то время артилерійскія батареи назывались ротами.

лась; отсюда истекли и тѣ открытія нашихъ артиллеристовъ, которыя удивляли иноземныхъ техниковъ. Предоставляю моимъ юнѣйшимъ со-воспитанникамъ рассказать постепенное усовершенствованіе артиллерійскаго училища и поименовать тѣхъ, которые образовались въ немъ и служатъ нынѣ къ пользѣ и славѣ нашего любезнаго отечества.

Мое скромное практическое служеніе началось далеко отъ стѣлъ училища. Кавказъ, Иранъ, Анатолія, берега Евфрата были свидѣтелями моей служебной дѣятельности; подвиги кавказскихъ войскъ въ персидскую и турецкую войны 1826, 1827, 1828 и 1829 годовъ еще ожидаютъ своего безпристрастнаго историка. Что касается лично меня, то могу сказать одно: я ниѣлъ чести служить подъ знаменами кавказскихъ войскъ, и, въ продолженіе вышесказаннаго времени, удостоился лестнаго вниманія бывшаго командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генераль-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго. Еще до окончанія послѣдней турецкой войны и предъ начатіемъ военныхъ дѣйствій противъ непокорныхъ кавказскихъ горцевъ, онъ призналъ необходимымъ назначить предварительно четырехъ офицеровъ кавказскаго корпуса для изученія мѣстностей, обитаемыхъ непокорными племенами. Эти офицеры были: Искритскій, Зубовъ, Бартенева и я. На мою долю достались: все Закубанье, Большая и Малая Кабарды и мѣстность на восточномъ берегу Чернаго Моря, между Гагрой и Анапой, населенная племенами адиге и абадзе.

Первая моя поѣздка на кавказскую линію состоялась согласно предписанію графа Паскевича-Эриванскаго, отъ 1-го января 1829 года. Мнѣ поставлялось въ обязанность изыскать мѣстность въ окрестностяхъ Анапы для поселенія Дунайскаго казачьяго полка, передавагося намъ, какъ извѣстно, во время турецкой войны въ Европейской Турціи, въ 1828 году. Не входя въ подробности даннаго мнѣ порученія, основаннаго на высочайшемъ повелѣніи, помѣщаю здѣсь одинъ изъ параграфовъ данной мнѣ инструкціи, слишкомъ лестной для меня, артилеріи поручика, чтобы когда-нибудь я могъ забыть о ней. Вотъ этотъ параграфъ: «Дѣлая предположенія о защитѣ поселенцевъ, объясните, какіе будутъ сосѣдственные съ ними народы, и соберите о нихъ возможно-полныя свѣдѣнія, обращая вниманіе на слѣдующіе предметы: мѣстоположеніе земель ихъ, рѣки, произведенія, главные горные хребты, пути сообщенія, особенно удобные для военныхъ дѣйствій, число народонаселенія и племена, оное оставляющія, религію, правленіе, число военныхъ людей, промышленность и народныя богатства, взаимныя связи общества и правителей, словомъ на

все, что можетъ доставить ясное понятіе объ этихъ мало-извѣстныхъ намъ странахъ. *Въ заключеніе представьте ваше мнѣніе о мѣрахъ къ прочному успокоенію ихъ.*

Вышеприведенныя слова великаго князя Михаила Павловича, сказанныя имъ мнѣ при отъѣздѣ моемъ на службу, въ эти дни послужили мнѣ особенно могущественнымъ поощреніемъ къ твердому и неуклонному исполненію своего долга, заставлявшего впоследствии неразъ забывать о самосохраненіи.

Исполняя данное мнѣ предписаніе, я былъ поставленъ въ необходимость имѣть сношенія съ нашими агентствомъ, состоявшимъ подъ вѣдѣніемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дискаси, который жилъ въ Одессѣ и занимался торговлею съ горцами, имѣя свои складочныя пункты въ Суджукъ-Кале и Геленджикъ. Г. Дискаси, располагая данными ему отъ правительства средствами, въ виду умиротворенія горцевъ посредствомъ торговли, злоупотреблялъ его довѣріемъ. Онъ безденежно получалъ сотни тысячъ пудовъ соли изъ соляныхъ промысловъ Черноморскаго Войска и, промѣнивая ихъ на произведенія горцевъ, заботился болѣе о себѣ, а не о благихъ цѣляхъ правительства. Бывали случаи, что горцы, нуждаясь въ соли и, собираясь разграбить запасы ея въ Суджукъ-Кале и Геленджикъ, не исполняли своего намѣренія только потому, что Дискаси объявлялъ себя агентомъ англійскаго правительства и угрожалъ имъ за разграбленіе наказаніемъ англійскаго флота. По возвращеніи моемъ въ Тифлисъ, въ маѣ того же года, съ отчетомъ объ исполненіи даннаго мнѣ порученія, я, между прочимъ, передалъ графу Паскевичу-Эриванскому свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Дискаси, и тогда его агентство, какъ не приносящее никакой пользы, было закрыто.

По окончаніи второй блистательной турецкой кампаніи въ Анатолиі, въ 1829 году, и по возвращеніи войскъ въ предѣлы Россіи, графъ Паскевичъ-Эриванскій, предлагая приступить къ покоренію горцевъ, предписалъ поименованнымъ выше офицерамъ: Искритскому, Зубову, Бартеневу и мнѣ, отправиться для окончательнаго изученія назначеннаго каждому изъ насъ участка Кавказа. Съ ранней весны 1830 года, я вновь выѣхалъ въ крѣпость Анапу и тамъ приступилъ къ собранію свѣдѣній о горцахъ. Составленныя мною, въ первомъ мою поѣздку въ Анапу, описанія дорогъ по Закубанью, проходившихъ параллельно главному хребту, отъ Анапы до верховій Кубани, и переваловъ чрезъ главный хребетъ, отъ рѣки Кубани къ Черному Морю, были сдѣланы по расиросамъ, и я не могъ поручиться за ихъ безошибочность. Я считалъ долгомъ, во что бы то ни стало, доставить

правительству вѣрныя данныя, на которыхъ можно было бы основывать военныя операціи. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Одно: проѣхать секретно по землямъ непокорныхъ горцевъ и лично убѣдиться въ возможности передвиженія нашихъ отрядовъ въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Еще въ бытность мою въ Екатеринодарѣ, я узналъ отъ горцевъ, жившихъ въ Черноморіи, въ Гривинномъ аулѣ, что проѣхать чрезъ земли непокорныхъ горцевъ можно только подъ покровительствомъ немирныхъ черкесовъ, и притомъ такихъ, которые были бы открытыми врагами Россіи и пользовались народнымъ уваженіемъ мирныхъ и немирныхъ горцевъ. Тѣ же самые черкесы Гривина аула, переселившіеся въ Черноморію еще въ царствованіе Екатерины II, послѣ Бзюкской битвы въ 1793 году, указали мнѣ, что единственныя личности, могущія провести меня по землямъ непріязненныхъ горцевъ, были Аббаты и Шеретлуки, принадлежавшіе къ враждебному намъ обществу шансуговъ и самому могущественному между адиге и абадзе. Въ продолженіе апрѣля и мая мѣсяцевъ 1829 года, я готовился къ предстоящей поѣздкѣ. Мнѣ было необходимо испросить разрѣшеніе у фельдмаршала и получить отъ него средства для моего путешествія. Фельдмаршалъ, на мое секретное письмо, отвѣтилъ словомъ «спасибо»; но, предвидя предстоящую мнѣ опасность, отказался отъ офиціальнаго разрѣшенія, предоставивъ исполненіе предпріятія на мою волю. Тысячу рублей ассигнаціями и нѣсколько часовъ, съ азійскимъ циферблатомъ, были мнѣ высланы для подарковъ тѣмъ лицамъ, которые возьмутся провести меня по указаннымъ мною мѣстностямъ. Распрашивая у мирныхъ горцевъ, пріѣзжавшихъ для торговли въ Анапу, о томъ, кто между ними самыя знаменитыя наѣзники и враги кавказской линіи, я узналъ, что это были тѣ же самыя личности, о которыхъ мнѣ говорили и черкесы Гривина аула, именно: Аббаты Бесленей и Убыхъ и Шеретлуки Пшемафъ. «Могу-ли я видѣть этихъ удалцевъ? спросилъ я моихъ собесѣдниковъ; дорого бы я заплатилъ, чтобы видѣть этихъ головорѣзовъ!» Черкесъ, къ которому я обратился съ этимъ вопросомъ, улыбнулся и сказалъ: «Не знаю; можно попробовать пригласить ихъ на свиданіе съ тобою; но такъ какъ головы Аббатовъ оценены вашимъ начальствомъ кавказской линіи, то я не ручаюсь, чтобы они рѣшились пріѣхать въ крѣпость. Впрочемъ, попробую и дамъ тебѣ знать чрезъ недѣлю».

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я доброй вѣсточки. Спустя недѣлю, въ самоѣ дѣлѣ, явился ко мнѣ посланецъ съ извѣстіемъ, что Аббаты пріѣхали и ожидаютъ меня въ двухъ верстахъ отъ Анапы; если я

желаю видѣть ихъ, то долженъ прибыть къ нимъ безъ конвоя. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ готовъ и, взявъ переводчика, съ проводникомъ, котораго прислали Аббаты, отправился къ мѣсту свиданія. При моемъ приближеніи, Аббаты, лежавшіе на бургахъ въ полѣ, поднялись, а съ ними поднялось и до 500 вооруженныхъ черкесовъ. Соскочивъ съ лошади, я сѣло подошелъ къ Аббату Бесленею, какъ старѣйшему, и подалъ ему руку. Бесленей, взявъ ее, обратился къ своимъ спутникамъ съ словами: «Богъ послалъ намъ гадъ, и мы, ничѣмъ не рискуя, получимъ за него хорошій выкупъ». Не смущаясь загадочнымъ привѣтомъ Аббата Бесленея, я отвѣчалъ, что я — свободный путешественникъ, безъ роду и племени—ничего не имѣю для своего выкупа, но, путешествуя для любопытства, хочу познакомиться съ бытомъ удалыхъ черкесовъ и съ ихъ лучшими наѣздниками. Аббатъ Бесленей улыбнулся, приказалъ розостлать бурку и пригласилъ меня, по горскому обычаю, прилечь вѣстѣ съ нимъ. Онъ удивлялся моимъ распросамъ, имѣвшимъ характеръ неограниченнаго любопытства, и принималъ меня за простаго путешественника. Бесленей очень обрадовался, когда я, окончивъ мои распросы, попросилъ его принять отъ меня часы въ знакъ дружбы или куначества, и удивился, когда я предложилъ прислать ему въ подарокъ вещи, нужныя для его семейства. «Если ты не вѣришь, Бесленей», сказалъ я, «что въ крѣпости ты будешь небезопасенъ, то пришли ко мнѣ своего посланца со спискомъ вещей, нужныхъ для женской половины». Затѣмъ я распростился съ моими новыми знакомыми и сѣлъ на коня, чтобы возвратиться въ крѣпость. Бесленей, взявъ меня за руку, сказалъ: «Благодарю тебя за довѣріе ко мнѣ: ты повѣрилъ моему слову и пріѣхалъ безъ прикрытія: такой поступокъ я цѣню очень высоко».

Съ этими словами мы разстались. (Разумѣется, моя бесѣда съ Бесленеемъ происходила при помощи переводчика).

Въ крѣпости я недолго ожидалъ посланца; на третій день онъ явился ко мнѣ. Угостивъ чаемъ, я повелъ его въ бывшія въ то время въ Анапѣ армянскія лавки. Посланецъ набралъ множество бездѣлушекъ, за которыя я заплатилъ 50 рублей асагнаціями, сказавъ, чтобы Бесленей, безъ церемоніи, обращался ко мнѣ, если ему понадобится еще что—нибудь изъ предметовъ, находившихся въ лавкѣ.

Изучая предварительно обычаи черкесовъ, я зналъ, что, передавая постепенно подарки Бесленею, дождусь, наконецъ, того момента, когда и онъ, въ свою очередь, пожелаетъ услужить мнѣ. На это обстоятельство я возлагалъ всѣ свои надежды. И, дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ явился снова Бесленей, расположившись съ своими оруже-

носами въ двухъ верстахъ отъ Анапы и далъ мнѣ знать о своемъ желаніи видѣться со мной. Безъ отлагательства я опять выѣхалъ къ нему съ однимъ переводчикомъ, и, попрежнему, мы улеглись на буртъ, но на этотъ разъ въ отдаленіи отъ оруженосцевъ, такъ что наша бесѣда никѣмъ не была слышана. Бесленей началъ изъявлять мнѣ свою благодарность въ самыхъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ и, наконецъ, сказалъ: «Ты непонятный для меня человекъ, но въ высшей степени гостепріимный! Обычай гостепріимства высоко цѣнится у насъ, и я, свято сохраняя его, спрашиваю тебя: чѣмъ могу услужить тебѣ за всѣ твои одолженія? Требуя у меня, чего хочешь, я ни въ чемъ не откажу тебѣ». Съ тревожною душой я отвѣчалъ: «Я въ восторгѣ отъ разказовъ твоихъ объ удаливствѣ адиге и абадзѣ, и потому желаю бы видѣть ихъ патриархальный бытъ. Прошу тебя, Бесленей, доставить мнѣ удовольствіе видѣть лично ваши жилища и ваши обычаи и, для того, провести меня по вашимъ землямъ». «Ахъ! вижу!» воскликнулъ Бесленей: «я старый дуракъ, обманутый тобою! Ты русскій офицеръ и, слѣдовательно, лазутчикъ; но я далъ тебѣ слово исполнить твою просьбу и сдержу его. Только знаешь-ли, во что мнѣ можетъ обойтись исполненіе твоей просьбы? Самое меньшее—жизни! Да, притомъ, Боже сохрани, если насъ поймутъ! Тебя живаго разрѣжутъ на куски и выбросать на съѣденіе собакамъ. Но, повторю, я далъ тебѣ слово, и оно будетъ для меня свято». Предъ своимъ удаленіемъ, Аббатъ сказалъ: «Твоими проводниками будутъ: мой братъ, Аббатъ Убыхъ, и Шеретлукъ Пшемафъ». Я, съ своей стороны, сказалъ, что возьму съ собою одного проводника. Затѣмъ мы условились о днѣ выѣзда въ горы и расстались.

Чтобы обмануть горцевъ относительно этого дня, я, чрезъ довѣреннаго посланца, условился съ Аббатами предпринять путешествіе не изъ крѣпости Анапы, а изъ Бугаскаго карантинна, существовавшего въ то время на правомъ берегу Кубани, при ея устьѣ. Имѣя у себя бланки фельдмаршала за его подписью, я предложилъ коменданту, по моему удаленіи изъ Анапы въ Бугаскій карантинъ, прекратить сообщеніе крѣпости съ мирными черкесами на пятнадцать дней, а самъ, подъ прикрытіемъ отряда, пройдя сорока-верстное разстояніе отъ крѣпости до устья Кубани, расположился въ Бугаскомъ карантинѣ, съ цѣлю увѣрить жителей Анапы, что я, по выдержаніи опредѣленнаго карантиннаго срока, отправлюсь оттуда въ Екатеринодаръ. Комендантъ и всѣ жившіе въ крѣпости повѣрили, что я уѣхалъ въ Екатеринодаръ по своему назначенію.

Въ условленный день, Аббатъ Убыхъ, съ своими оруженосцами,

ночью прибылъ къ устью Кубани и, условленнымъ свисткомъ, даль знать, что ожидаетъ меня. Во время пребыванія моего въ карантинъ, днемъ и ночью я позволялъ себѣ гулять на лодкѣ по кубанскому лиману, который, какъ извѣстно, прилегаетъ къ Джемстойской косѣ, поэтому карантинной стражѣ и въ голову не могло придти, чтобы я, прогуливаясь по обыкновенію съ переводчикомъ на лодкѣ, не могъ возвратиться въ карантинъ, а между тѣмъ это случилось. Повторенный свистокъ Аббата привлечь меня, съ моимъ переводчикомъ, къ условленному мѣсту. Лодка была отодвинута отъ берега на противъ стихій, а я съ переводчикомъ, сѣвъ на приведенныхъ Аббатомъ верховыхъ лошадей, пустился въ путь. Надобно прибавить, что, приготовляясь къ поѣздкѣ въ горы, я заблаговременно, какъ-бы въ угоду черкесамъ, выбрилъ голову, отпустилъ бороду и одѣлся по-черкески. Одинъ изъ замѣчательныхъ горскихъ обычаевъ—при почетномъ гостѣ не бесѣдовать съ его прислугою—обезпечивалъ нѣкоторымъ образомъ мою безопасность. Во время поѣздки, я выдавалъ себя за прислугу Аббата Убыха и безотлучно находился при немъ. Если случалось быть въ обществѣ незнакомыхъ горцевъ и въ мѣстахъ, опасныхъ для самого Аббата Убыха, я называлъ себя его плѣнникомъ. Не зная хорошо языка горскихъ племенъ, я изучилъ выговоръ только необходимыхъ при встрѣчѣ съ горцами словъ. Мнѣ предстояло большое затрудненіе выбраться изъ окрестностей Анапы, изъ которой я, подъ прикрытіемъ отряда, дѣлалъ экскурсіи по направленію Суджукъ-кале и вообще по мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Шехуреикъ» (круглая земля); но, благодаря Аббату Убыху, мы проскользнули чрезъ обѣ цѣпи, не безъ спора, впрочемъ, съ сторожевыми черкесами, лежавшими при вылавныхъ кострахъ. Нашъ путь лежалъ по направленію къ перевалу Пчеволезъ, не доѣзжая котораго мы повернули по Баканскому или Атакумскому ущелью.

Первый отдыхъ мой былъ у колодца «Богаго», что въ переводѣ означаетъ «колодезь слезъ». Первый переездъ былъ громаденъ: болѣе восьмидесяти верстъ мы сдѣлали въ продолженіе ночи, до восьми часовъ утра, по знакомымъ мнѣ мѣстностямъ, которыя были нанесены на карту еще во время моихъ движеній изъ Анапы, подъ прикрытіемъ отряда. Въ полудню мы прибыли на рѣчку Абинъ, въ аулъ Аббата Убыха, гдѣ я отдохнулъ, находясь, подъ кровлею кунана, внѣ всякой опасности. Послѣ отдыха, въ день моего пріѣзда и на другой день, я успѣлъ осмотрѣть: 1) Тогопсукуе или «Семигорье», прилегающее къ Суджукъ-кальской бухтѣ; 2) перевалъ изъ Абина въ Дохъ, или сторону, противоположную Суджукъ-кальской бухтѣ; 3)

перевалъ изъ Абина же къ Геленджикской бухтѣ. На третій день мы пустились въ дальнѣйшій путь, по дорогѣ, извѣстной подъ названіемъ «Гадеготлахъ», что въ переводѣ означаетъ «мертвое тѣло». Эта дорога, въ связи съ «колодцемъ слезъ», пробуждаетъ въ воображеніи черкесовъ цѣлую легенду о давнишней борьбѣ общества Кабардей съ крымскими ханами; но здѣсь не мѣсто рассказывать легенду.

Не вдаваясь въ подробности моихъ каждодневныхъ переѣздовъ, описаніе которыхъ заняло бы много мѣста, скажу только, что мой путь продолжался по предгорьямъ, болѣе или менѣе параллельнымъ главному хребту, и я совершилъ его въ іюнь и іюль мѣсяцахъ въ продолженіе тридцати дней, осмотрѣвъ перевалы по рѣкамъ Убину и Псекупу черезъ главный хребетъ къ Черному Морю. Эти двѣ линіи, вѣстѣ съ Абинскою, входили въ мои соображенія при изложеніи итърь къ покоренію горцевъ.

При проѣздѣ Аббата Убыха до рѣки Лабы и до аула бесленеевскаго узденя и аталыка (воспитателя) — Хозретокора Адемія — я подвергался большой опасности въ двухъ мѣстахъ, а именно на рѣкахъ Шепшѣ и Пшишѣ. На первой, въ то время, устроивалось назаннымъ атаманомъ Черноморскаго Войска — генералъ-маіоромъ Безкровнымъ — Шенское укрѣпленіе. Мнѣ предстояло проѣхать между огромною толпою горцевъ, окружавшихъ это мѣсто и сражавшихся съ черноморцами. Аббатъ Убыхъ и Шеретлаугъ-Пшемафъ, вынувъ изъ чехловъ ружья, начали стрѣлять по направленію къ Шенскому укрѣпленію; я, переводчикъ и остальные, по примѣру ихъ, также сдѣлали по нѣскольку выстрѣловъ въ томъ же направленіи, съ цѣлію устранить всякое подозрѣніе къ нашимъ проводникамъ. На рѣкѣ Пшишѣ случилось другое происшествіе, за которое я заплатилъ бы дорого, если бы не былъ смѣтливъ и рѣшителенъ мой знаменитый проводникъ Аббатъ Убыхъ. Надобно замѣтить, что, при проѣздѣ по мѣстамъ, неопаснымъ для проводниковъ, мы пользовались гостепріимствомъ горцевъ. Желая получить ночлегъ, мы обыкновенно подъѣзжали къ саклѣ по выбору проводниковъ, вызывали хозяина или, за отсутствіемъ его, хозяйку, и просили пріюта. Встрѣчавшія насъ лица, выслушавъ наше желаніе, тотчасъ возвращались и выводили пріслужниковъ по числу пріѣхавшихъ гостей. Каждый изъ нихъ подходилъ къ стремени одного изъ гостей и принималъ отъ него лошадь, а мы, отдавъ коней, слѣдовали за хозяиномъ въ кунаксіе пріюты. Гостепріимные хозяева, вымывъ у старшихъ ноги и вообще давъ имъ совершить «намазъ» (умовеніе), занимаются бесѣдой съ своими

гостями, разумѣется со старшими, потому что, по ихъ обычаю, обращаться къ прислугѣ при старшихъ и разговаривать съ нею значило бы оскорбить этимъ почетнаго гостя, что считается преступленіемъ. Во время таковаго гостепріимства на рѣкѣ Шишиѣ, я, представляя изъ себя прислугу Аббата, въ продолженіе намаза, дѣлаемаго Аббатомъ Убыхомъ и Шеретлукомъ Шшемафомъ, и въ продолженіе ихъ бесѣды и угощенія хозяиномъ, пріютился, по черкескому обычаю, въ уголкѣ кунакской на корточкахъ и, изнуренный предшествовавшимъ путешествіемъ, вздремнулъ и выдвинулъ изъ-подъ себя ногу. Хотя она была обута въ чевякъ, но выпуклость изгиба большаго пальца свидѣтельствовала, что она испорчена сапогомъ. Замѣтивъ это, хозяинъ обратился къ почетному гостю съ словами: «Убыкъ! твой служитель не черкесь: у него нога испорчена сапогомъ». Я проснулся, услышавъ возвышенный голосъ Убыха: «Ну да, онъ не черкесь: онъ мой плѣнникъ, а можетъ быть и гость». Потомъ, вынувъ изъ кармана коранъ, онъ продолжалъ: «Но присягни на коранъ, что ты никому не скажешь о своемъ замѣчаніи». Хозяинъ присягнулъ. «Если же», продолжалъ Убыкъ, «ты меня обманешь, то ты знаешь Аббата: прежде ты со своею семьею погибнешь, нежели коснешься моего плѣнника». Въ отвѣтъ на эти грозныя слова, минутъ черезъ пять, хозяинъ привелъ стройнаго молодаго человѣка и сказалъ: «У меня одинъ сынъ—вотъ онъ на лицо предъ тобой; онъ присоединится къ вамъ въ путешествіи до назначеннаго тобою мѣста, и если бы я вздумалъ измѣнить тебѣ, то разрѣшаю тебѣ убить его».

Съ нашимъ выѣздомъ отъ поразившаго меня своимъ гостепріимствомъ черкеса, послѣдовалъ за нами и его сынъ. Онъ постоянно ѣхалъ впереди Убыха, какъ бы представляя собою цѣль для оружія того человѣка, которому онъ былъ отданъ, какъ заложникъ въ сохраненіи тайны.

Въ первыхъ числахъ іюля, я былъ уже на рѣкѣ Лабѣ, у гостепріимнаго Бесленеева атамыка Хозретокора Адемія. Здѣсь я былъ представленъ этому почтенному старцу, какъ почетный гость—какъ русскій офицеръ. Мой хозяинъ былъ, въ полномъ смыслѣ, мирнымъ горцемъ; онъ часто ѣздилъ въ Ставрополь къ командующему войсками и былъ тамъ принимаемъ съ уваженіемъ и почетомъ. Между Аббатомъ и Хозретокоромъ Адеміемъ не существовало тайны, и потому я былъ принятъ и обласканъ, какъ нельзя болѣе. Обѣдъ, предложенный мнѣ, состоялъ изъ множества блюдъ; но болѣе всего обрадовалъ меня чай, котораго я не видалъ въ продолженіе всего моего странствованія. Здѣсь только я узналъ, что Бесленей, простившійся

со мною на рѣкѣ Абнѣ, слѣдовалъ за мною по Закубанью почти параллельно съ моимъ путемъ. Ему сопутствовали нѣсколько наѣздивовъ, отличавшихся своимъ удалствомъ. Они всегда знали, когда и на какой рѣкѣ я находился и гдѣ имѣлъ ночлегъ, и это дѣлалось на тотъ конецъ, чтобы, въ случаѣ какой-нибудь опасности, мнѣ угрожавшей, Бесленей съ своими удалцами могъ явиться на помощь.

День у Хозретокоора Адемія былъ проведенъ мною съ пользой. Я успѣлъ привести въ порядокъ мои путевыя записки и соображалъ, какое направленіе принять въ остальномъ путешествіи до истоковъ Кубани. По истокомъ рѣкъ Мабы, Уруна, Большаго и Малаго Зеленчуковъ нельзя было и думать подниматься, потому что протяженія по нимъ до главнаго хребта были громады и населены обществами, незнакомыми моимъ проводникамъ; а между тѣмъ меня безповоимо тревожное предчувствіе, какъ бы шансуги не хватились за отсутствіе Аббатовъ и не открыли тайнаго предпріятія.

Насталъ вечеръ, и мы всѣ, расположившись по роскошнымъ азіятскимъ диванамъ, придумывали: какъ лучше привести наше дѣло къ концу. Часовъ въ десять вечера, хозяинъ, замѣтивъ у насъ наклонность ко сну, удалился, пожелавъ намъ добраго сна, и дверь за нимъ изнутри была заперта. Прошло не болѣе двухъ часовъ, какъ послышался легкій стукъ въ дверь. Тотчасъ задвижка была отодвинута и вошелъ хозяинъ. Нельзя было не замѣтить тревоги въ его глазахъ; онъ сказалъ полупонотомъ: «Вставайте и одѣвайтесь! но не въ вашу одежду, а въ принесенную сюда моимъ сыномъ». Въ самомъ дѣлѣ, въ кунакскую вошелъ старшій сынъ Хозретокоора Адемія и принесъ съ собою, по числу гостей, черкески, бурки, наговицы и шапки совсѣмъ другаго цвѣта, нежели какой имѣла наша одежда. Хозяинъ продолжалъ: «Триста конныхъ шансуговъ, часъ тому назадъ, прибыли въ мои аулы на извуренныхъ лошадяхъ. Изъ ихъ распросовъ я узналъ, что они ищутъ васъ, и, слѣдуя по вашей дорогѣ, знаютъ, какой масти вашѣ лошади и какого цвѣта ваша одежда. Я не могъ сказать, что вы у меня не были, и потому отвѣчалъ: «Лица, которыхъ вы ищете, были у меня; я ихъ накормилъ, напоилъ и вчерашній день, подъ вечеръ, проводилъ по направленію къ Темышбекской станицѣ». Видя усталость шансуговъ и извуреніе ихъ лошадей, я, по обычаю гостеприимства, также предложилъ имъ отдохнуть у себя, подкрѣпиться пищею, накормить лошадей и, собравшись со свѣжими силами, раздѣляясь по направленію къ станицамъ, видѣвшимся на правомъ берегу Кубани, увѣривъ ихъ, что они, безъ сомнѣнія, догонятъ васъ».

Мнѣ невольно сгрустнулось. Неужели, думалъ я, не удастся мнѣ

*

укрыться отъ преслѣдующей меня погони и исполнить данное мнѣ порученіе. Мы очень скоро одѣлись въ новыя приготовленныя для насъ, платья. Старшій сынъ хозяина не захотѣлъ отстать отъ насъ. — «Я», сказалъ онъ, «знаю всѣ пути отсюда къ кубанской кордонной линіи: назначьте мнѣ станицу по вашему произволу, и я сдѣлаю провѣсти васъ туда безъ всякой опасности». Поблагодаривъ искренно хозяина за его радушіе и готовность помочь намъ въ бѣдѣ, мы, сѣвъ на приготовленныхъ намъ Адеміемъ новыхъ лошадей, совершенно другой масти, нежели какой были наши кони, въ потемкахъ двинулись въ путь, гуськомъ по тропинкѣ, избранной нашими новыми проводникомъ. Эта тропинка въ короткое время привела насъ къ ручью, русло котораго было плоско и наполнено мелкими камешками. «Мы не должны оставлять за собою сакмы (слѣдъ отъ лошадиныхъ копытъ)», сказалъ нашъ проводникъ: «слѣдъ, оставленный нами на короткой тропинкѣ, будетъ изглаженъ по приказанію отца; теперь же я проведу васъ версты двѣ по дну этого ручья, и сакма не будетъ открыта шапсугами». Я, однако, требовалъ держаться верховій рѣки Уруна и Зеленчуковъ, и тѣхъ именно мѣстъ, которыя были покрыты лѣсомъ, чтобы намъ, въ случаѣ опасности, легче можно было бы скрыться отъ шапсуговъ. Нашъ послѣдній ночлегъ состоялся на рѣкѣ Маломъ Зеленчукѣ. Оттуда мы проѣхали къ каменному мосту въ верховьяхъ Кубани и направились прямо на Баталпашинскую станицу, куда и прибыли въ четыре часа пополудни.

При нашемъ приближеніи къ Кубани, замѣтно было движеніе казаковъ между вышками. Послѣ переправы чрезъ рѣку, мнѣ представилось интересное зрѣлище. Мои проводники спрашивали у меня позволенія совершить намазъ. Маленькою бусолью, бывшею при мнѣ, я показавъ имъ направленіе юга, къ которому они обыкновенно обращаются въ молитвахъ. Бросившись на свои бурки, они преувердно начали молиться, и молились съ полчаса. Окончивъ молитву, они, поочередно, подходили ко мнѣ и, прижимая меня къ своей груди, говорили: «До сихъ поръ ты былъ намъ гость, а теперь мы твои гости». Я не могъ не замѣтить слезъ на глазахъ моихъ спутниковъ: ихъ тяготило предчувствіе какого-то горя, которое скоро и сбылось. Но объ этомъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

Обратившись къ казакамъ, собравшимся около меня на берегу Кубани, я спросилъ хоперцовъ: «Дома ли полковой командиръ?» — «А тебѣ что за дѣло?» отвѣчали казаки. «Я русскій офицеръ: мнѣ надобно видѣть вашего полковаго командира». — «Какой онъ офицеръ!» сказала одна изъ казачекъ, тутъ находившаяся: «вѣрно онъ бѣглый

солдатъ, привелъ черкесовъ, чтобы высмотрѣть, какъ лучше напасть на нашу станицу. Что вы стоите, разиня ротъ? Бейте его, да и этихъ басурмацовъ! Развѣ вы не видите, что на лицѣ этого самозванца—офицера шпура линияетъ?» И съ этими словами она бросила въ меня камень. Одинъ изъ благоразумнѣйшихъ казаковъ, удержавъ бабъ отъ воинственныхъ подвиговъ, сказалъ: «Да что же вы, съ ума развѣ спятили? Вѣдь онъ хочетъ видѣться съ нашимъ полковымъ командиромъ! Онъ—то лучше насъ знаетъ, что дѣлать съ этими господами». Миѣ немножко было стыдно, что казаки такъ нерадушно встрѣтили моихъ гостей. Замѣчаніе казачки относительно моего лица было вполне справедливо; отъ вѣтра, въ продолженіе тридцатидневнаго странствованія, съ лица моего, въ самомъ дѣлѣ, сходила кожа; отсюда естественно ей было заключить, что я бѣглый солдатъ.

Пріѣхавъ къ полковому командиру, полковнику Конивальскому, я быстро вбѣжалъ въ его домъ, гдѣ засталъ гостей. Многіе изъ нихъ были миѣ коротко знакомы, но ни одинъ не узналъ меня. Только полковникъ Конивальскій узналъ меня по голосу, и все пошло своимъ чередомъ. Лошади наши были приняты казаками, а намъ самимъ предложили нѣсколько комнатъ въ домѣ полковаго командира. Расспросавъ не было конца; кромѣ фельдмаршала, графа Паскевича—Эриванскаго, никто не зналъ о моемъ пребываніи въ горахъ. Я имѣлъ возможность успокоить нѣсколько своихъ проводниковъ, боявшихся оскорбленій отъ казаковъ, и самъ хозяинъ успокоилъ ихъ, обѣщая на—завтра сопровождать насъ въ Пятигорскъ, гдѣ находился, со своимъ штабомъ, фельдмаршалъ.

6-го іюля мы приблизились къ Кисловодску и прямо направились къ Нарзану. Толпа посѣтителей, окружавшая знаменитый колодезь, при нашемъ приближеніи къ источнику, съ намѣреніемъ напиться богатырской воды, разбѣжалась въ стороны, принявъ насъ за немирныхъ горцевъ. Но находившійся здѣсь одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала, коротко миѣ знакомый, узналъ меня и, бросившись, началъ обнимать. Тогда отхлынувшая толпа начала опять собираться къ колодезю и, услышавъ кто я, осыпала меня ласками и распросами.

Я не могъ здѣсь долго оставаться, и потому, сѣвъ на лошадей, въ сопровожденіи полковника Конивальскаго, мы пустились въ Пятигорскъ. Тамъ снова ожидала меня сцена, поразившая моихъ спутниковъ—горцевъ. Приблизившись къ гостиницѣ, въ которой квартировалъ фельдмаршалъ, я остановился у параднаго входа. Оставивъ

на улицѣ своихъ спутниковъ и передавъ мою лошадь одному изъ казаконъ, состоявшихъ при Конивальскомъ, самъ быстро взмошелъ по лѣстницѣ въ залу между двухъ часовыхъ, стоявшихъ у наружныхъ дверей. Меня встрѣтилъ дежурный адъютантъ, гвардіи капитанъ Дикъ, хорошо и коротко мнѣ знакомый. Взглянувъ на меня, на мой жалкій, оборванный костюмъ и видя меня въ полномъ вооруженіи, онъ вскрикнулъ въ ужасѣ: «Часовые! ко мнѣ! Какъ вы смѣли пустить этого оборванца? Вытолкайте его отсюда вонъ!» Часовые, безъ церемоніи, вышвырнули меня на улицу.

Хотя мнѣ было стыдно предъ моими спутниками, но дѣлать было нечего. Я попросилъ Конивальскаго провести меня къ начальнику штаба, и онъ исполнилъ мою просьбу, сопутствуя намъ до квартиры полковника Гасфорта. Здѣсь кончились мои испытанія; намъ дана была квартира и казаки для присмотра за лошадьми.

Едва мы успѣли расположиться въ отведенной намъ комнатѣ, какъ явился ко мнѣ дежурный адъютантъ генераль-фельдмаршала, такъ недасково выпроводившій меня изъ залы. «Извини, любезный Новицкій», сказалъ онъ мнѣ, «за мое негостепримство; фельдмаршалъ наказалъ меня за тебя и въ заключеніе сказалъ: «Пойди, сейчасъ найди этого череса Новицкаго и приведи сюда!» Приди съ Дикомъ къ фельдмаршалу, я засталъ у него генераловъ Эммануэля и Нанкратьева. Взглянувъ на меня, графъ Паскевичъ расхохотался и промнесь:

«Какъ тебя Богъ пронесъ?» Затѣмъ, обратясь къ генераламъ, сказалъ: «Знакомы ли вы съ этою личностію?» Они, пожимая плечами, отвѣчали отрицательно, хотя, на самомъ дѣлѣ, коротко знали меня въ моемъ офицерскомъ костюмѣ. «Вотъ это служба славная, молодецкая! спасибо тебѣ за нее, любезный Новицкій», продолжалъ фельдмаршалъ: «о твоимъ подвигѣ будетъ знать Государь Императоръ». Генералы ахнули отъ удивленія и осыпали меня ласками.

Слухъ о моемъ проѣздѣ по землямъ непокорныхъ горцевъ быстро разнесся по Пятигорску. Мнѣ нельзя было показаться на улицу безъ того, чтобы тотчасъ же не окружили меня посѣтители иннеральныхъ водъ обонхъ половъ. Особенно москвичи и москвитянки осыпали меня ласками. Я былъ вполнѣ утѣшенъ; но скажу откровенно, болѣе всего радовало меня тогда мое предположеніе, что Великій Князь останется доволенъ моею службою.

На другой день я представилъ генераль-фельдмаршалу моихъ проводниковъ. Графъ осыпалъ ихъ ласками и подарками. Аббату Бесленею, хотя и не находившемуся при мнѣ, но, какъ главнѣйшему

дѣтелю въ проводѣ меня чрезъ жилища непріязненныхъ горцевъ, даны были: подпоручичій чинъ, золотая медаль на шею, 2,000 р. сер., соболья шуба, много парчи и бархату для его семейства. Аббату Убыху и Шеретауку Пшемафу даны были прапорщичьи чины, золотыя медали, деньги и подарки наравнѣ съ Бесленемъ. Два лица изъ прислуги тоже были награждены приличными ихъ званію подарками.

На третій день, генераль-фельдмаршалъ пригласилъ меня, съ моими проводниками, къ обѣденному столу. Музыка, гремѣвшая во время обѣда, привела въ восторгъ моихъ горцевъ, а ласки дамъ, присутствовавшихъ при столѣ, окончательно очаровали ихъ. Спустя нѣсколько дней, данъ былъ фельдмаршаломъ балъ собственно для моихъ горцевъ. Въ восторгѣ отъ такого гостепріимства и привѣта фельдмаршала, они, со всею откровенностію, сказали мнѣ: «За все то, что мы испытываемъ здѣсь, миримся со всѣми несчастіями, которыя угрожаютъ намъ по нашему возвратѣ въ собственные аулы».

Дней десять оставались мои горцы въ Пятигорскѣ, подъ кровомъ гостепріимныхъ посѣтителей минеральныхъ водъ. Наконецъ они просили у фельдмаршала позволенія возвратиться домой. Я сопутствовалъ имъ до самой Кубани, и тамъ, со слезами, простился съ ними. Горцы сказали:—«Приготовься, Новицкій, принять насъ навсегда подъ покровительство сардаря (такъ они называли фельдмаршала): мы увѣрены, что намъ нельзя будетъ долѣе оставаться въ нашихъ родныхъ аулахъ; одного просимъ у Бога и пророка его, чтобы онъ помогъ спасти наши семейства... Наше бѣгство будетъ направлено на Екатеринодаръ».

Едва я успѣлъ привести въ порядокъ мои путевыя записки и составить маршруты для предстоявшихъ экспедицій противъ тѣхъ горцевъ, чрезъ земли которыхъ я проѣхалъ, какъ былъ полученъ рапортъ наказнаго атамана Черноморскаго Войска, генераль-маіора Безкровнаго, что Аббаты Бесленей и Убыхъ вплавь переправились чрезъ Кубань и явились чрезъ Екатеринодаръ, спасаясь отъ преслѣдованій шапсуговъ. Когда мои проводники возвратились въ свои аулы, то на другой день окружены были двумя тысячами всадниковъ. Аулы ихъ были сожжены, обезщощенныя семейства взяты въ плѣнъ; только Бесленей и Убыхъ, какъ лучшіе наѣздники между шапсугами, спаслись бѣгствомъ въ Черноморію. Фельдмаршалъ приказалъ мнѣ отправиться для принятія и уроченія быта бывшихъ моихъ проводниковъ. Никогда не забуду я слезъ старика Бесленей, передававшаго мнѣ объ оскорбленіяхъ нанесенныхъ его семейству.

Напрасны были мои утѣшенія въ томъ смыслѣ, что слабыхъ женщинъ каждый разбойникъ можетъ обидѣть... Послѣ излінія скорби во всевозможныхъ выраженіяхъ, онъ наконецъ успокоился.

Прежде нежели прибылъ фельдмаршалъ въ Усть-Лабинскую станицу, гдѣ назначенъ былъ сборъ войскъ для экспедиціи, явился ко мнѣ въ Екатеринодаръ кескиуйскій князь Болетокоръ-Джамбулетъ. Онъ былъ друженъ съ Аббатами, и, узнавъ объ ихъ несчастіи, рѣшился предаться, со всѣмъ своимъ народомъ, русскому правительству. Приѣда ко мнѣ въ квартиру съ Аббатами Убухемъ и Бесленемъ, Джамбулетъ сказалъ:—«Твои проводники лучшіе мои друзья и наѣзники, и потому, если они рѣшились ѣсть свинину, то и я намѣренъ раздѣлить съ ними это блюдо; объ условіяхъ же перехода въ зависимость русскихъ я прошу тебя доставить мнѣ возможность говорить съ сардаремъ».

Передовой отрядъ нашъ былъ сосредоточенъ на Бѣлой рѣчкѣ, при урочищѣ Мескага или «Длинный Лѣсъ». Отправился туда и я съ Аббатами и Джамбулетомъ. При отрядѣ находились генералы Эммануэль и Панкратьевъ. Я передалъ имъ обоимъ о намѣреніи Джамбулета. Генералъ Эммануэль, какъ командующій войсками, отвѣчалъ: «Джамбулетъ, этотъ разбойникъ, сдѣлалъ много зла въ нашихъ границахъ: онъ взялъ въ плѣнъ цѣликомъ Есентугскую станицу, и потому, какъ только онъ явится къ намъ, я прикажу его повѣсить». Напрасно генералъ Панкратьевъ уговаривалъ Эммануэля отиѣнить такое намѣреніе; онъ оставался непреклоненъ до того, что Панкратьевъ принужденъ былъ написать объ этомъ фельдмаршалу въ Усть-Лабинскую станицу, и только полученное предписаніе остановило намѣреніе Эммануэля. По условію, Джамбулетъ долженъ былъ явиться на Бѣлую рѣчку, чтобы участвовать въ нашей экспедиціи противъ шапсуговъ. Отданы были приказанія по отряду, чтобы когда, въ назначенный день, прибудетъ въ «Длинный Лѣсъ» отрядъ горцевъ, то цѣпь войскъ, стоявшая вокругъ русскаго отряда, не стрѣляла бы по немъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я назначеннаго часа; верховая лошадь моя была готова. Вдругъ, слышу, раздались выстрѣлы, усилившіеся до батальнаго огня. Я понялъ въ чемъ дѣло, вскачалъ на коня и помчался къ мѣсту происшествія. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что между нашими застрѣльщиками и разсыпавшимися горцами открыта самая частая перестрѣлка. Я бросился съ бѣлымъ платкомъ на шашкѣ между сражавшимися, но въ разгарѣ перестрѣлки нѣсколько пуль попали въ голову моей лошади и одна въ мою руку. Лошадь рухнула со всѣхъ ногъ, и я очутился подъ нею,

стараясь высвободиться. Джамбулетъ первый подскакалъ ко мнѣ съ своими узденями и высвободилъ меня изъ-подъ лошади. Тревога эта подняла на ноги весь отрядъ. Генералы Эммануэль и Панкратьевъ явились на мѣсто перестрѣлки и, узнавъ о происшедшемъ, тотчасъ донесли фельдмаршалу въ Усть-Лабу, куда и я отправился въ экипажѣ, послѣ перевязки раненой руки, сопровождаемый Джамбулетомъ и нѣсколькими его узденями. Явившись въ Усть-Лабу къ фельдмаршалу, я просилъ графа принять Джамбулета, не обезоруживая его предварительно, чтобы этимъ способомъ, по черкесскому обычаю, оказать свое довѣріе. Фельдмаршалъ согласился; Джамбулетъ, обласканный имъ, далъ слово служить вѣрно русскому правительству. Бесѣда фельдмаршала съ Джамбулетомъ продолжалась болѣе получаса. Этотъ дикий горецъ, небольшого роста, широкогрудый, съ оселедцемъ за ухомъ (отличительный признакъ почетнѣйшихъ гостей адиге), при прощаніи съ фельдмаршаломъ, сказалъ: «Извини меня, сардаръ, если я велъ себя неприлично предъ высокоимъ твоимъ званіемъ; но знай, сардаръ, что я въ первый разъ въ жизни стою передъ старшимъ себя!»

Экспедиція началась отъ Бѣлой рѣчки и продолжалась, безъ фельдмаршала, до рѣчки Афиуса, гдѣ устроено было Афисское укрѣпленіе. Я состоялъ при отрядѣ въ званіи офицера генеральнаго штаба. Хотя и предполагалось, что мы, проходя между абадзехами и мирными адиге, нигдѣ не встрѣтимъ сопротивленія, однако на рѣкѣ Курчипсѣ произошла перестрѣлка, гдѣ я вновь былъ раненъ, явѣя правую руку на перевязкѣ. При движеніи отъ Афиуса до рѣки Абина фельдмаршалъ присутствовалъ лично, потому что имѣлось въ виду строго наказать шапсуговъ, самыхъ непокорныхъ и злостныхъ горцевъ. Даже черкесы называли ихъ *пхаци*, что въ переводѣ означаетъ «колючки». Ничто не могло склонить ихъ при мирныхъ переговорахъ. Во время экспедиціи, нашъ отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны: одна изъ нихъ двигалась по прямой дорогѣ, двѣ другія попеременно проникали въ ущелья горъ и истребляли жилища шапсуговъ. Сначала рѣшено было двинуться отъ рѣчки Абина по Атакумскому ущелью до перевала Пчеволезъ и оттуда до Анапы; но генералъ-маіоръ князь Бежовичъ-Черкасскій, состоявшій при фельдмаршалѣ, отсвѣтывалъ слѣдовать по этому ущелью, предсказывая, что тамъ будутъ сосредоточены большія силы горцевъ и отрядъ нашъ могъ бы понести значительныя потери. Поэтому, простоявъ нѣсколько дней на Абинѣ, мы возвратились тѣмъ же путемъ въ Афиусу, а отсюда въ Екатеринодаръ.

Экспедиція эта удостовѣрила фельдмаршала и начальника войскъ кавказской линіи, что собранныя мною свѣдѣнія были вѣрны, и проектъ, составленный мною для покоренія горцевъ, признанъ основательнымъ. При составленіи проекта, я имѣлъ въ виду:

1) чтобы, по мѣрѣ приведенія въ исполненіе, можно оказывать уроковь, задаваемыхъ мѣстнымъ войскамъ, послѣдніе освобождались отъ мѣстныхъ военныхъ дѣйствій и дѣлались свободными для мирныхъ или военныхъ занятій, по усмотрѣнію начальства;

2) чтобы покоренный край могъ, безъ всякой опасности, заселиться мирными жителями и заниматься земледѣліемъ и всѣми промыслами, свойственными краю;

3) чтобы новопоселенцы на южной покатости кавказскаго хребта, у Чернаго Моря, могли свободно и безпрепятственно сообщаться съ Кубанью;

4) наконецъ, по мѣрѣ устройства операціонныхъ дорогъ отъ Кубани черезъ главный хребетъ къ морю, чересы были вытѣсняемы изъ горныхъ ущелій на равнины, на которыхъ волею-неволею должны были бы покориться намъ.

На основаніи этихъ четырехъ данныхъ, написанъ былъ мною проектъ покоренія чересовъ согласно параграфу, изложенному выше и заимствованному изъ предписанія мнѣ генералъ-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго.

Вотъ сущность проекта. Первая операціонная дорога назначалась отъ Ольгинскаго укрѣпленія, на правомъ берегу Кубани въ Черноморіи, и должна была проходить вверхъ по направленію рѣчки Абина до главнаго хребта, а оттуда къ морю, къ бухтѣ Геленджикъ. Все пространство между этою дорогою и берегомъ Чернаго Моря отъ Геленджика до устій Кубани съ одной стороны и низовьемъ этой рѣки съ другой, предполагалось сдѣлать безусловною собственностію Россіи. Это пространство было заселено обществами Натухаджъ и Хегайкъ (послѣднее изъ нихъ было поглощено первымъ послѣ переворота въ горахъ, бывшаго въ 1792 году). Натухаджъ, занимавшіе мѣстность, прилежащую Анапѣ и Черному Мору, нѣкоторымъ образомъ приучены были чрезъ торговлю къ роскоши, и потому покореніе ихъ было нетрудно, а заселеніе очаровательныхъ и здоровыхъ мѣстъ русскими поселенцами и того было легче.

Водворивъ на первой абинской операціонной дорогѣ войска, находившіяся по берегу Чернаго Моря, отъ Геленджика до устій Кубани и, по этой послѣдней, до Ольгинскаго укрѣпленія, и имѣя тылъ, обеспеченный населеніемъ русскаго народа, предстояло начать опе-

раціи противъ шапсуговъ по сѣверной и южной покатостямъ, по направленію главнаго хребта ко второй, еще предполагавшейся, операціонной дорогѣ отъ Екатеринодара вверхъ по Афиису и притоку его Убину до главнаго хребта, а оттуда до моря. Покоривъ, или, лучше сказать, вытѣснивъ шапсуговъ изъ ущелій въ равнины или къ абадзахамъ, обитавшимъ за Афиисомъ на рѣкахъ Псекупсѣ, Пишиѣ и Бѣлой, мѣстность между двумя операціонными дорогами, абинской и афинской, предстояло заселить русскимъ народомъ. Исполненіемъ этой операціи всѣ черноморскія станицы освобождались бы отъ военныхъ дѣйствій, для назначенія по усмотрѣнію правительства.

Принимъ афинскую операціонную дорогу за основаніе дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, водворивъ на ней войска, находившіяся на абинской дорогѣ, и заселивъ пространство между ними русскими людьми, надлежало открыть операціи по сѣверной и южной покатостямъ хребта противъ абадзеховъ, по направленію къ псекупской операціонной дорогѣ, которая проходитъ отъ Изряднаго Источника или Редутскаго карантинна (на границѣ линейнаго Черноморскаго Войска) по рѣкѣ Псекупу (мимо чудныхъ горячихъ водъ) вверхъ по ея теченію до главнаго хребта, а оттуда до Чернаго Моря.

По тогдашнимъ соображеніямъ, третья операціонная дорога была бы устроена безъ всякой помѣхи, и горцы не могли бы сопротивляться долге.

Проектъ признавался удобнымъ, потому что осуществленіе его не требовало усиленія войскъ; напротивъ, черноморскія и линейныя станицы съ каждымъ годомъ становились бы свободными отъ военныхъ дѣйствій. Знаменитый начальникъ штаба А. П. Ермолова, Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, принималъ на себя покорить по этому проекту черкесовъ до самыхъ истоковъ Кубани, въ продолженіе шестнадцати лѣтъ. Онъ началъ съ первой операціонной дороги, и нѣтъ уже были возведены Абинское и Николаевское укрѣпленія на рѣкѣ Абинѣ, но, съ отбытіемъ фельдмаршала въ 1830 году въ царство Польское и съ поступленіемъ на его мѣсто генерала отъ инфантеріи Розена, всѣ предначертанія были оставлены. Съ новымъ начальникомъ начались новыя распоряженія и новыя дѣйствія.

За прозвѣдъ мой черезъ горы и за доставленіе свѣдѣній о черкесахъ и данныхъ для ихъ покоренія, я былъ произведенъ въ капитаны, съ переводомъ въ генеральный штабъ.

Здѣсь кончается моя дѣятельность, какъ артиллериста.

Въ 1830 году я простился съ артиллерійскимъ мундиромъ, но въ душѣ моей всегда оставался вѣренъ артилеріи - этому славному

отдѣлу нашихъ арміи. Лучшія мои воспоминанія, въ продолженіе моей полуѣбовой службы, принадлежать тому періоду времени, когда я носилъ артилерійскій мундиръ.

Изложивъ вкратцѣ мою служебную дѣятельность въ артилеріи до 1831 года и бѣгло взглянувъ на артилерійское училище при правднованіи имъ пятидесятилѣтняго юбилея, я былъ пораженъ теперешнимъ состояніемъ этого учебнаго заведенія. Библіотека, модели всевозможныхъ орудій и ихъ принадлежностей, модели фортификаціонныя, физическій и минералогическій кабинеты и химическая лабораторія представляютъ теперь богатые средства для изученія преподаваемыхъ въ училищѣ наукъ. Мы не были знакомы съ такою роскошью; напротивъ, намъ все доставалось послѣ большаго и упорнаго, съ нашей стороны, труда. Только профессора Щегловъ и Анкудовичъ передавали намъ готовыя записки: первый физики, химіи и минералогіи, послѣдній по аналитикѣ (аналитическая геометрія) и баллистикѣ. За неимѣніемъ учебниковъ для руководства по остальнымъ предметамъ, мы должны были, слушая въ аудиторіяхъ лекціи профессоровъ, дѣлать кое-какія замѣтки и потомъ составлять изъ нихъ для себя записки. Усилія, употреблявшіяся нами для того, чтобы успѣть по всемъ предметамъ, были громадны. Теперь всѣ подобныя затрудненія устранены, и юное поколѣніе воспитанниковъ имѣетъ широкую возможность совершенствоваться въ технику. Уже недалеко то время, когда мы свергнемъ съ себя иго зависимости нашей отъ Европы въ дѣлѣ приготовленія по новѣйшимъ образцамъ не только оружія, но и машинъ, по разнымъ отраслямъ государственнаго хозяйства.

Какъ дѣдушкѣ артилерійскаго училища, образованному и утѣшенному постепеннымъ совершенствованіемъ мѣста моего воспитанія и образованія, мнѣ остается только пожелать юному поколѣнію питомцевъ—выносить изъ училища такія же убѣжденія, какія были усвоиваемы воспитанниками первыхъ выпусковъ. Намъ внушали тѣ убѣжденія, изъ которыхъ слагается характеръ человѣка и тотъ возвышенный патріотизмъ, безъ котораго немислимы ни военныя, ни гражданскія доблести. Выступивъ изъ училища на боевое поприще, мы были убѣждены, что до тѣхъ поръ, пока носимъ военный мундиръ, жизнь наша принадлежитъ не намъ, а Государю Императору и нашему дорогому отечеству—Россіи. Обѣтъ дружины Святослава: « Не посрамимъ земли русскія! умремъ, ляжемъ ту костью, мертвіи бо срама не имуть »—этотъ обѣтъ глубоко западалъ въ душу каждаго воспитанника.

Георгій Новицкій.